

КАСЬЯН НЕФЕДОВИЧ И БОРИС АХАНОВ

Признаюсь, я никогда не писал рецензий. Слова «сценическое действие», «архитектоника мизансцен» и «сценография» вызывали во мне почтительное уважение перед людьми, которые из досок, холстов, юпитеров, ламп и мятых листочков с текстами делают нечто, заставляющее людей плакать, смеяться и аплодировать до боли во вспухающих ладонях.

Но ведь, восхищаясь картиной, мы не исследуем структуру холста и не анализируем химический состав красок.

И, испытав потрясение в театральном зале, мы не испытываем желаниа расчлениать его истоки на составные части.

Сказав самому себе эти слова, я рискнул рассказать об одном театральном вечере.

...С Касьяном Нефедовичем Глушковым Борис Аханов познакомился несколько лет назад, когда жена подсунила ему номер журнала с рассказом Бориса Васильева «Вы чье, старичье?» Аханов прочел рассказ, медленно смакуя каждое слово. Закончив, вздохнул — сыграть бы такого старика! — и отложил журнал в сторону...

А через два года случилось чудо. Вернее, целых два. В Рижский театр русской драмы пришла инсценировка рассказа, сделанная автором. И чудо второе: режиссер-постановщик С. Лосев предложил роль старика Глушкова ему, Борису Аханову. Строго говоря, особых чудес здесь не было: Аханов давно был известен как актер крепкий, профессиональный. Но, согласитесь, не так уж часто в актерской жизни бывает, что и пьеса хорошая пришла вовремя, и роль твоя, и сил, и мастерства у тебя хватает, чтобы полностью выложиться...

Борис Васильев — писатель, по-своему удивительный, необычайный. И приемов никаких особенных он не изобрел — ни литературных, ни театральных, и темы у него самые что ни на есть обычные, и язык — проще не придумаешь. Но, пожалуй, он единственный, кто может из сегодняшнего искушенного читателя и зрителя выжать чистую настоящую слезу. Некоторые сердитые критики говорят, что он склонен к мелодраматичности и грешит sentimentalностью. Пусть так. Но не приходило ли вам в голову, как не хватает в наш рациональный век этой самой

сентиментальности, если называть ею любовь и внимание к «малым и сирым» мира сего?..

...Я никогда не подозревал, что Аханов так стар. Я знал, что он еще очень далек от пенсионного возраста, но когда он спокойно, не торопясь, вышел на авансцену и, помаргивая красноватыми старческими веками, стал смотреть в зал, я увидел человека весьма преклонного возраста. Я увидел Касьяна Нефедовича Глушкова.

Простой и незамысловатой была жизнь Касьяна Нефедовича. В далеком детстве бури революции лишь пронесли над его головой, оставив по себе память в виде смутных снов, страшных и героических. Жизнь его — и ситуация в рассказе и пьесе — была густо замешана на быте, и о быте же пишет Б. Васильев, хотя к словечку этому надо относиться с большой осторожностью, ибо вся наша жизнь с ее страстями и свершениями — не что иное, как быт, а в нем порой развертываются такие трагедии, что, найдись в наши дни Шекспир, ему бы не пришлось жаловаться на отсутствие материала...

Неторопливо ведет Борис Аханов своего героя через жизненные перипетии.

Умерла жена. Перебрался в город к невестке, которую и видел-то в жизни всего

только один день. Расположились втроем в комнатухе — и внучонок Славик под боком. Познакомился со стариком Багорычем (его удивительно сочно и колоритно играет народный артист республики В. Боголюбов), ругателем и воителем. Сосед, у которого ожидается прибавление семейства, ну прямо-таки выталкивает старика из дома, даже показывает, на каком гвозде Нефедычу петлю следует ладить. Помавшись вдвоем с Багорычем, повоевав с алкоголиками, решили старики уехать доживать свой век в деревню — не получилось. И когда совсем уж они, выписанные со своих квартир, пригорюнились, приютила их непутевая, но добрая багорычева внучка Валя. Вот, собственно, и все.

Трудная, очень трудная задача стояла перед Борисом Ахановым. И не только в том, что ему надо было сыграть старика — пусть и не очень дряхлого, но немощного, доживающего свой век. Незамутненная чистота, детская наивность, открытость и доброта — вот из чего был слеплен «ничейный старик» Касьян Нефедович — ну и еще пиджачок, единственные мятые брючишки, торчащая из кармана полот-

няная сумочка, с которой он каждое утро ходит за кефиром...

Аханов на сцене без грима. Даже бороду не высветлял. Не ковыляет, ходит нормально; не кашляет натужно, по-стариковски — словом, он как бы чурается грубых внешних мазков, подчеркивающих возраст героя. Он играет обнаженную беззащитность наивной и доброй души; беззащитность ее перед злом — и автор говорит об этом открыто, страстно, с ненавистью, — которое живет рядом с нами.

В зале плакали; я сам видел мокрые от слез лица. Плакали, когда Касьян Нефедович тихонько ютился у фанерной стеночки киоска, ожидая своего права на бутылочку кефира, когда уходил из-под жалкой крыши своей, когда закрывал лицо костистыми кулачками перед тарелкой борща, преподнесенного щедрой Валькой... И я не знаю, как Аханов это делал, где он подсматрел, как ходят, едят, говорят, живут такие старички, мимо которых мы пробегаем в každодневной своей спешке, которым не спешим уступить место или пропустить впереди себя в очереди — да простятся мне такие прямые параллели.

— ...Ничего тут особенно-

го нету, — сказал мой сосед по ряду, внимательно, но твердо смотрящий на сцену. — Ну, что нового мы узнали? Что пенсии у колхозников маленькие были? Что с квартирами трудно? Так все это мы знаем. Чему нас учит эта пьеса?

Я ничего ему не сказал: по-своему он был прав. Но выходя из зала, я смотрел на задумчивые лица тех, перед кем прошла тихая жизнь старика Нефедыча, слушал их негромкие голоса и думал о том, как много мы знаем из газет, книг, телевизоров и как мало и редко заглядываем к самим к себе в душу, которая понемногу зарастает бронированной коростой самоуспокоенности и самозаботы, и как порой нам нужны искренние слезы по старику Касьяну Нефедовичу, которые размывают эту коросту.

...Поздно вечером после спектакля я позвонил Борису Аханову, поздравил с удачей, спросил, не сильно ли он устал.

— Да нет, — хмыкнул Аханов. — С чего тут уставать? Это же работа в радость. Ведь можешь сказать то, о чем все время сам думаешь, это большое счастье.

Ил. ПОЛОЦК.